

Вторая брачная ночь

Автор:

Мишель Сمارт

Вторая брачная ночь

Мишель Сمارт

Любовный роман – Harlequin #743

Элизабет Янг живет в Нью-Йорке, занимаясь своим бизнесом, и даже не подозревает, что всему этому скоро придет конец. Ее бывший муж, греческий бизнесмен Ксандер Тракас, неожиданно выходит на связь. Ксандер когда-то причинил Элизабет много боли, и меньше всего ей вновь хотелось бы играть по его правилам, хотя страсть, связавшая их когда-то, все еще сильна. Ксандер сообщает Элизабет, что их брак никогда не будет аннулирован. Найдет ли она в себе силы противостоять бывшему мужу? И... захочет ли?

Мишель Сمارт

Вторая брачная ночь

Married for the Greek's Convenience © 2016 by Harlequin Books S. A.

«Вторая брачная ночь» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

* * *

Глава 1

Ксандер Тракас считал, что хуже его жизнь уже быть не может, но эта новость стала последней каплей. Его американский адвокат, профессионал из профессионалов, сообщил, что его брак с Элизабет Янг зарегистрирован во всех соответствующих инстанциях, однако нет никаких следов его расторжения. Формально они все еще женаты.

Ксандер яростно потер тыльную сторону шеи, глубоко вздохнув.

Вся эта история с таблоидом «Тайны знаменитостей!» превратилась в скандал десятилетия. Он не думал, что обещания «сочных подробностей о жизни наиболее желанных и развратных холостяков планеты» окажутся правдой. Он, конечно, действительно входил в список самых желанных – но развратных? Ксандер слышал множество сальных историй о своих новых друзьях по несчастью – по сравнению с ними он вообще практически девственник! Ну ладно, это, конечно, преуменьшение – однако те несколько его партнерш за много лет, с которыми он был во вполне моногамных отношениях, не идут ни в какое сравнение с достижениями Данте Манчини, Бенджамина Картера или шейха Зайн аль-Гамди.

Последующие статьи, не только в «Тайнах знаменитостей!», но и в конкурирующих с ним изданиях подобного типа, нарисовали его портрет, который не имел ничего общего с оригиналом. Три его бывших возлюбленных продали свои истории, приукрашивая их и выдавая за сенсацию то, что он считал абсолютно нормальными, здоровыми отношениями. Какие-то женщины, знакомства с которыми он даже не помнил, рассказывали о проведенных с ним ночах. В общем, полное безумие.

И, как ни странно, единственной женщиной, которая не продала душу за несколько сребреников, была та, на которой он, вопреки здравому смыслу, женился десять лет назад.

Достаточно одному дотошному репортеру покопаться в судебных документах, как история о его браке выплывет наружу. И всем станет ясно, что, пока его покинутая греческая невеста умирала от многочисленных травм, он проводил время с американской красавицей, абсолютно равнодушный к трагедии.

Он никогда не разговаривал об этом ни с кем. Ни с самой Элизабет, ни с родителями, ни с друзьями.

С Элизабет они никогда не жили вместе как муж и жена. Встретились, поженились, провели безумные две недели на острове Святого Франциска, а потом разошлись в разные стороны.

Однако эти разные стороны, как оказалось, не включали аннулирования брака – которого, как утверждала Элизабет, дополнив это утверждение крепкими ругательствами, она собиралась потребовать.

В последний раз они виделись в коттедже, который снимали на острове. По ее ошарашенному лицу катились слезы.

Знала ли она, что прошение об аннулировании отклонено? Знала ли брачная посредница мультимиллионера, что она сама и есть его законная жена? Было крайне маловероятно, что нет, однако за все эти годы она ни разу не пыталась с ним связаться.

Он, впрочем, тоже. Он практически полностью стер ее лицо из своей памяти.

Следовало соблюдать осторожность.

Судя по досье, которое ему на нее собрали, она больше не была той беззаботной девятнадцатилетней девочкой, которая не думала ни о чем другом, кроме свежего ветра в волосах, моря и солнечных пляжей. За эти десять лет она создала для себя с нуля совершенно другую жизнь.

Его телефон завибрировал, нарушая ход его мыслей. Ксандер думал, что это адвокат, которому он поручил выяснить, по какой причине прошение о разводе было отклонено. Он еле успел сообразить, что это не так, и не отвечать на вызов. Звонил отец, а Ксандер не был сейчас готов с ним разговаривать.

Разговоры с родителями становились все более напряженными, и виноваты в этом были обе стороны. На днях его невестка попала в больницу с алкогольным отравлением, и у нее отказала печень. А если его брат не прекратит накачиваться наркотиками, он будет следующим. Все это было довольно тяжело

переживать и без скандала, который развернулся из-за публикаций в «Тайнах знаменитостей!».

Нужно оставаться хладнокровным и трезвомыслящим. Завтра он возвращается домой, но сегодня его ждет ежегодная вечеринка благотворительного фонда «Надежда», который он спонсировал. Там будут все четверо главных героев скандала – а значит, и пресса в больших количествах. Все они были донорами этого фонда, и из-за скандала, связанного с ними, дела его ухудшались.

Хотя бизнес их лежал в разных сферах, многие годы эти четверо были соперниками. Все они были молоды, запредельно богаты и обладали сугубо практичным и прямолинейным подходом к делам. Их взаимодействия друг с другом никогда не отличались особым дружелюбием.

Но сегодня им придется преодолеть привычную враждебность. Они чувствовали нарастающее давление. Они были в центре тайфуна, и чем скорее они найдут оттуда выход, тем лучше.

Две недели спустя

Элизабет Янг вошла в свою квартиру в Вест-Виллидж[1 - Вест-Виллидж – район, расположенный на Манхэттене, Нью-Йорк.] с явным чувством облегчения. После недели, проведенной в Риме, она была рада вернуться домой.

Она жила в самом центре Нью-Йорка, в одном из его старейших районов. Площадь квартиры была не такой уж большой – она, конечно, хорошо зарабатывала, но все-таки не настолько, – однако нигде больше ей не удавалось добиться такого же ощущения комфорта и уюта.

Примерно в десятый раз с момента приземления Элизабет проверила телефон, уверяя себя, что дело в возможном звонке Пайпер, а вовсе не в том, что, по слухам, с ней собирается связаться бывший муж.

Именно из-за того, что Пайпер назвала его имя, она так и разнервничалась. Симпатичная австралийка так и засыпала ее вопросами, и Элизабет не могла ее винить – на ее месте ей и самой было бы любопытно. Трое из мужчин,

задействованных в скандале «Тайны знаменитостей!», уже обратились к ее услугам – вполне ожидаемо, что и четвертый тоже к ней обратится.

Данте сказал, что Ксандер тоже тебе позвонит.

Это Пайпер так сказала? Они точно говорили о чем-то подобном, в результате чего Элизабет пришлось встретиться лицом к лицу с тем, что до этого она почти две недели отрицала.

Бенджамин, Зайн и Данте – все трое сказали, что ее контакты и рекомендацию им дал Ксандер. Она понятия не имела, откуда он вообще знает, чем она занимается, и тем более откуда у него ее контакты. Ее агентство «Левиафан» работало в атмосфере строгой секретности и только по личным рекомендациям.

Она сказала себе, что то, что он порекомендовал ее услуги другим, еще не означает, что он собирается сам ими воспользоваться. В конце концов, у него другая ситуация: семья Тракас единолично владеет компанией «Тимос» на протяжении поколений.

Компания работала в индустрии красоты и моды, ее продукты продавались по всему миру. Им не нужно было оглядываться на мнения акционеров или цену акций на бирже – ничего этого не было. И Ксандеру не было нужды жениться, чтобы спасти семейную репутацию.

Первые несколько дней после того, как он ее бросил, Элизабет прожила словно в тумане. Каждое утро она просыпалась с надеждой, что все это лишь плохой сон, и протягивала руку, ожидая найти его в постели рядом с собой. На четвертый день, когда она пялилась в телефон в надежде увидеть от него хоть слово, в комнату вдруг вошла ее мать. И тут розовые очки, которые Элизабет носила всю жизнь, упали и разбились.

Романтическая вечная любовь – это сказка, и ее родители – лучшее тому доказательство. А она сама – просто наивная идиотка, которая думала, что в ее жизни все должно быть как-то иначе.

С того момента ее жизнь разительным образом изменилась.

Следующие несколько лет Элизабет намеренно запрещала себе думать о человеке, который разбил ей сердце. Он для нее просто не существовал. Так было до тех пор, пока она не наткнулась на статью о вновь назначенном исполнительном директоре «Тимос» Ксандере Тракасе. Который совершил практически невозможное, выйдя со своей компанией на американский рынок.

Только тогда она узнала, насколько богатой и могущественной была эта семья. А еще из этой статьи она узнала об Ане Сукис, возлюбленной Ксандера с детства. Они собирались пожениться, но незадолго до свадьбы Ана трагически погибла в автомобильной катастрофе.

В то же самое время, когда этот грязный подонок женился на ней.

То есть он женился на ней либо когда был обручен с другой женщиной, либо когда должен был убиваться из-за ее гибели.

Статью она выбросила, возблагодарив небеса, что прошло еще недостаточно много времени и брак удалось аннулировать. Бракоразводного процесса она бы не перенесла.

И несмотря на то, что она корила себя за это, следующие годы она продолжала время от времени следить за упоминаниями его имени в прессе. Он больше не женился – да и зачем бы? Женщины и так вешались ему на шею в количествах, превышающих разумные, если верить тем же «Тайнам знаменитостей!». Из всех четверых, задействованных в скандале, Ксандер был наименее им затронут. Так что жена ему не нужна.

Поэтому хватит о нем думать, сказала она себе, облачаясь в халат и отправляясь в ванную. Из-за четырнадцатичасового перелета она чувствовала себя выжатой как лимон.

Вместо этого она стала думать о Пайпер. Если бы она могла, она бы всеми силами постаралась отговорить ее от брака с Данте. Это не она их свела – их брак родился из случайной ночи вместе, которая увенчалась незапланированной беременностью. А помощь Элизабет была нужна лишь для того, чтобы подготовить бедную девочку к роли сверкающего украшения рядом с миллионером.

Если бы этим занималась Элизабет, то Пайпер была бы последней в списке претенденток. Она слишком юная и наивная для того мира, в который случайно попала. Как и – когда-то – сама Элизабет.

Она забралась в ванну и закрыла глаза. И тут телефон зазвонил.

Все ее тело словно оледенело, включая мозг. Затем ее сердце снова забилося и с невероятной силой застучало по ребрам изнутри. Глубоко вздохнув с закрытыми глазами, Элизабет сделала одну вещь, которой никогда себе не позволяла: проигнорировала звонок.

Включился автоответчик, и вибрация сообщила ей о том, что звонивший оставил сообщение.

Элизабет открыла глаза, взглянула на потолок, который сама разрисовывала, и усилием воли успокоилась.

Может, это вовсе и не он. Ее клиенты не имели понятия о личном времени или пространстве, если оно было не их собственным. В их понимании она просто наемный работник, и, если им вздумалось бы позвонить ей в десять вечера в пятницу, Элизабет была обязана принять звонок.

Она послушает сообщение, когда выйдет из ванной, и перезвонит. Ее бизнес – а точнее сказать, ее детище – был единственным, чем она по-настоящему гордилась. Она построила его с нуля...

Телефон зазвонил снова.

На этот раз ее сердце словно бы подпрыгнуло. Элизабет повернулась и посмотрела на телефон, который она, как обычно, положила на полочку, чтобы можно было дотянуться. Экран мигал. Однако прежде чем она смогла заставить себя что-нибудь сделать, снова включился автоответчик.

Через десять секунд телефон снова зазвонил.

Резкий выплеск адреналина придал ей энергии. Она вытерла руку о полотенце и взяла телефон. Номер был незнакомый.

– Алло? – сказала она неуверенным голосом.

– Элизабет?

Глубокий бархатистый голос Ксандера был словно ушат холодной воды на голову. От неожиданности она разжала пальцы, и телефон с тихим всплеском упал в воду.

Через двадцать минут, уже придя в себя и уняв сердцебиение, облаченная в мягкий банный халат, Элизабет выключила фен, которым сушила сим-карту, изъятую из многострадального телефона. Проклиная себя за глупость и надеясь, что данные удастся спасти, она вставила ее в старый телефон, который достала из шкафа.

Когда аппарат включился, Элизабет с облегчением выдохнула: все контакты сохранились. Однако номера Ксандера у нее не было, и восстановить его было никак нельзя. Но интуиция подсказывала Элизабет, что он не оставит попыток с ней связаться – и теперь она уже будет к этому готова.

Интуиция не подвела. Через несколько минут она услышала уведомление электронной почты:

«Элизабет, это Ксандер. Судя по всему, у тебя какие-то проблемы с телефоном. Высылаю тебе свой номер, перезвони, как только сможешь».

В первую секунду ей захотелось расплакаться, но потом ее вдруг охватила злость, такая сильная, что непролитые слезы мгновенно высохли.

Значит, он все-таки собирается пойти по стопам своих приятелей-ловеласов и воспользоваться ее услугами.

Какая же наглость. И бесчувственность. Полное, абсолютное отсутствие эмпатии.

Ну ему-то зачем жена?

Ей захотелось немедленно ему ответить и подробно объяснить, куда он может идти со своим требованием перезвонить немедленно. Но она сдержалась. Если она будет ему грубить, это будет выглядеть так, как будто она спустя десять лет все еще на него злится. Хотя это конечно же не так – просто у нее была тяжелая неделя и она устала. И сейчас она это докажет.

Она встала перед зеркалом и досчитала до тридцати, а затем набрала номер. Ксандер ответил после первого же гудка:

– Спасибо, что перезвонила. Ее покорило от его сугубо делового тона. Глядя на собственное отражение, она улыбнулась, чтобы продемонстрировать полное отсутствие каких-либо эмоций:

– Не за что. Извини, в Риме я уронила телефон, и с тех пор он ведет себя странно, – соврала она не моргнув глазом. Ее голос звучал полностью дружелюбно, как она и хотела.

– Мне надо с тобой встретиться.

– Ладно, – сказала она, хотя на самом деле ей хотелось послать его к черту и спустить телефон в унитаз. – У тебя есть предложения по дате?

Если бы она могла, она бы отказалась. Но вся ее компания и ее репутация строились на ее личном участии. У нее был свой подход к поиску пары, и, надо сказать, крайне успешный. А все остальные сотрудники были нужны только для технического обеспечения и делопроизводства.

– Я скоро отправляюсь в вашу часть света. Как насчет завтра?

Ксандер жил в Греции. Элизабет быстро подсчитала, что сейчас там около шести утра. Во сколько он вообще встает?

Потом она припомнила новости. Может, он и не ложился. Или, может быть, он в постели прямо сейчас? И рядом с ним сладко спит какая-нибудь женщина? Эта мысль вызвала чувство легкой тошноты.

– Элизабет?..

Она усилием воли избавилась от неприятных мыслей и сконцентрировалась на своем графике:

- Завтра - это...

- В субботу. Я прилетаю в три часа дня по вашему времени.

- У меня назначена встреча в обед.

- Значит, вечер свободен, - его ответ не предполагал возражений. Элизабет почувствовала, как ее охватывает паника.

- А воскресенье у меня полностью свободно, - выдавила она, надеясь хотя бы немного оттянуть неизбежное. - Тебе известно, где мой офис?

- Мы не будем там встречаться. Я хочу, чтобы ты ко мне прилетела.

По ее спине поползли мурашки, но ее тон остался беззаботным.

- Куда?

- Остров Святого Франциска.

Ее улыбка сразу же исчезла. Она чувствовала себя так, словно ее неожиданно ударили под дых. Тем временем Ксандер продолжал:

- Я найму самолет, чтобы он доставил тебя туда после твоей встречи. Собери сумку и не планируй ничего на воскресенье.

У Элизабет перехватило дыхание, она совершенно не могла сосредоточиться. Она сделала шаг назад и села на край кровати, потому что ноги ее не держали.

- Элизабет? Что-то не так? - В его деловом тоне появился даже намек на человеческие эмоции.

Она прикрыла рот рукой, чтобы было не слышно, как она откашливается, а потом сказала:

- Нет, все в порядке. Встретимся там, где тебе удобно.

- Значит, на острове Святого Франциска.

- За поездки на другой континент я беру задаток в размере четверти оплаты, - сказала Элизабет, усилием воли заставляя свой голос звучать спокойно.

- Пришли мне свои реквизиты и сумму, мои сотрудники все оплатят.

И, не успела она придумать еще какую-нибудь причину отложить встречу, как он сказал:

- Значит, договорились. Увидимся завтра.

И отключился.

Элизабет оторвала телефон от уха и посмотрела на него так, словно опасалась, что он сейчас ее укусит. В принципе, миллионеры, которые повсюду стремятся продемонстрировать свою важность, для нее не новость. Как-то раз она проводила интервью в бедуинской палатке в Сахаре меньше чем через двенадцать часов с момента звонка. Эти люди не понимали обычных человеческих ограничений, и простым смертным оставалось только соответствовать их непомерно завышенным требованиям. Не то чтобы они все были плохими - но они привыкли оглядываться только на свои собственные нужды. Именно поэтому Элизабет и стала так популярна в их среде - она потакала их привычкам.

Так что разговор с Ксандером ничем, кроме деталей, не отличался от разговора с любым другим клиентом. Они - незнакомцы, которые случайно поженились и провели вместе четырнадцать дней. Так что не о чем говорить.

Дело было в локации - из-за этого Элизабет разнервничалась.

Почему остров Святого Франциска? В мире есть множество прекрасных мест, так почему именно там?!

Очевидно, это не простое совпадение – он не мог назвать то самое место, где они встретились, поженились и позже расстались, случайно. И именно это место он выбрал для поиска себе новой жены.

Ксандер положил трубку и тяжело вздохнул. Он подошел к окну и взглянул на Эгейское море, все еще темное, над которым только начинали появляться первые лучи солнца.

Он до последнего надеялся, что ему не придется делать этот звонок. Но после напряженного разговора с родителями, продлившегося почти до утра, он пришел к выводу, что другого выбора у него нет.

Ради племянника ему срочно нужна жена. И случайно так вышло, что она у него уже есть.

Ему осталось только убедить Элизабет с этим согласиться. Конечно, после того, как они расстались, его ждет буря – ну так что же. Каждый день ему приходится справляться с вещами и похуже.

Он слышал, как она вздохнула, когда он произнес название острова. Он намеренно сделал так, чтобы она не смогла увести разговор в сторону или отказаться от встречи. Точно так же он поступит и на острове: просто не даст ей времени и возможности отвергнуть его предложение.

Элизабет больше не была той юной девушкой, в которую он влюбился. Тогда все ее чувства и мысли были написаны у нее на лице. Теперь же это сдержанная взрослая женщина, способная мыслить рационально.

И эта способность ей понадобится для того, чтобы принять верное решение и согласиться остаться его женой.

Частный самолет, который Ксандер для нее нанял, зашел на посадку в аэропорту острова Святого Франциска. Элизабет стиснула подлокотники кресла. Она боялась вовсе не посадки, а того, что за ней последует.

У нее была одна ночь на то, чтобы придумать причину все отменить. Автомобильная авария, семейные неприятности, перелом ноги... Но она все это отвергла.

В конце концов, это ее работа. Ее услуги доступны лишь небольшой группе избранных, но эти избранные обитают в своем собственном мире. Если пойдут слухи о ее непрофессионализме или ненадежности, то ее деловая репутация, которую она строила все эти годы, будет потеряна.

Того Ксандера, которого она знала, больше не существует. А все, что она знала о нем как о бизнесмене, говорило, что он не переносит глупости. Если бы у него оставались к ней какие-то чувства, он не назначил бы встречу на этом острове.

Когда-то она любила его всем сердцем. Но в тот день, когда она собрала вещи, готовясь к поездке на остров Диадонус к его родителям, навстречу их новой жизни вместе, он отнял у нее всякую надежду. Сказал, что их свадьба была ошибкой, что он никогда ее не любил, что его семья никогда ее не примет и что он уезжает обратно без нее.

Элизабет почувствовала, как при воспоминании о том дне холодом скрутило живот. Она многое готова была отдать за то, чтобы снова пережить тот момент. Сейчас она была бы хладнокровной и спокойной, а тогда она еле могла дышать от слез. Ее страшно угнетала мысль, что именно такой он ее и запомнил.

Но сейчас-то она уж точно будет собранной и хладнокровной. Сделает вид, что он просто обычный клиент, а не беспринципный лжец, который ее бросил.

Самолет приземлился, однако тошнота не проходила. Элизабет так не нервничала с того дня, когда ушла из родительского дома, решив начать самостоятельную жизнь.

Лучи клонившегося к закату солнца падали на аккуратный аэропорт, окутывая его золотистой дымкой. Элизабет вышла из самолета, держа в руках сумку с вещами и кейс с ноутбуком. После холодного Нью-Йорка ей было приятно

оказаться в более теплом климате.

До той первой поездки сюда она никогда не выезжала из страны и даже из Нью-Йорка. А потом скончалась ее бабушка, которая все свои средства завещала внучке и явно указала в завещании, что была бы рада, если бы Элизабет потратила часть денег на то, чтобы «выбраться из этой чертовой страны и посмотреть мир».

Бабушка обрадовалась бы, если бы знала, что работа Элизабет позволяет ей путешествовать по всему миру. И в списке всех его красот первое место занимал этот самый остров в Карибском море... однако воспоминания о нем были горькими.

Сотрудник таможни бегло проглядел ее паспорт и пропустил ее на парковку. Там уже ждал черный джип с тонированными стеклами. Когда она приблизилась, кто-то вышел из машины, и ее сердце екнуло: это был сам Ксандер. Он был одет в светло-коричневые летние брюки и светло-голубую футболку, а его темные волосы, которые она помнила вечно взлохмаченными, теперь были аккуратно подстрижены.

Элизабет крепче стиснула ручку чемодана. Он подошел и пристально взглянул на нее. Его яркие голубые глаза когда-то могли смотреть на нее часами...

Ноги Элизабет подкосились, и ей внезапно захотелось расплакаться. Она не понимала, откуда взялось это желание, пришлось взять себя в руки. Она предвидела, что это будет нелегко. Однако самое худшее – первая встреча – уже позади, сказала она себе. Первая встреча всегда хуже всего, с этим ничего не поделаешь.

– Элизабет, – сказал он вместо приветствия, протягивая руку.

Ей всегда нравилось, как он произносит ее имя. Ее мать всегда делала это с британским акцентом, а отец называл ее Лиззи – как она подозревала, просто чтобы досадить матери. Но в устах Ксандера оно звучало как титул.

Элизабет постаралась изобразить широкую улыбку в ответ:

– Рада тебя видеть.

Он натянуто улыбнулся:

– Хорошо выглядишь.

За годы он возмужал и стал выглядеть суровее, чем прежде. Любопытный ищущий взгляд стал тяжелым и пронзительным, на лице появились еле заметные морщины, однако в целом он выглядел даже лучше, чем десять лет назад.

Элизабет вспомнила, как он подошел к ней в холле отеля «Ла Мэзон Бланш» и настойчиво предложил понести ее багаж. Сперва она даже приняла его за портье, но потом заметила, что на нем купальные шорты, а на шее болтается полотенце. Впрочем, осознание этого заняло у нее добрых десять минут, за которые он уже успел проводить ее до номера. Только там она поняла, что этот сногшибательно красивый молодой человек – вовсе не сотрудник отеля.

Они договорились встретиться в баре у бассейна через час. В это время она распаковала вещи и переоделась, и ей начало казаться, что он просто пошутил. Но когда она с замиранием сердца спустилась вниз, он ждал ее на условленном месте встречи. После двух совместно выпитых коктейлей она узнала, что он из Греции, что ему двадцать и он путешествует один. Тогда ей казалось, что это судьба.

– Это что, все твои вещи? – спросил Ксандер, рассматривая свою предполагаемую жену. Он, конечно, не думал, что она выглядит как десять лет назад, но и не ожидал столь разительных изменений.

Он ее помнил совсем юной девушкой с полудетскими чертами лица. Теперь же она стала худощавее, скулы заострились. Из-за темных очков он не видел ее глаз, однако весь ее облик излучал лоск, которого раньше не было.

Даже кудрявые волосы были выпрямлены и спадали на плечи красивыми волнами. Она производила сугубо профессиональное впечатление: на ней были светло-серые узкие джинсы с заклепками и превосходно сидящая белая рубашка, подчеркивавшая ее стройность. В этом наряде она пришлась бы ко двору где угодно: и на деловой встрече, и на вечеринке. И вдобавок точно бы

обратила на себя внимание.

Он понес ее чемодан к машине. Элизабет не отставала, даже несмотря на черные туфли на каблуках. Весь ее вид излучал уверенность. Она была невероятно, сногшибательно привлекательна.

Он открыл перед ней дверцу автомобиля и подождал, пока она заберется внутрь. До него донесся легкий запах ее духов, на фоне которого померкло даже благоухание местного жасмина.

– Я заказал нам столик в ресторане на пляже, – сказал Ксандер, выруливая с территории крошечного аэропорта. Этот остров – один из самых маленьких в Карибском море, но не без оснований славился как идеальное место для медового месяца.

Он выбрал его в качестве места встречи по множеству причин, но не мог и предположить, что будет чувствовать себя так неудобно. А рядом с Элизабет становилось еще хуже.

– Хорошо, – ответила она тем же дружелюбным тоном, что и раньше. Однако он ощущал холодок.

Может, ему просто кажется, подумал он, однако быстро отменил это предположение. Обычно встреча с бывшим партнером – не такое уж большое дело, однако здесь все было иначе.

Он поступил с ней достаточно жестоко, но это было неизбежно. Если бы он не сделал того, что сделал, все было бы еще хуже. Может быть, поэтому она не сообщила об отказе в аннулировании брака? Ждала десять лет, чтобы месть была более эффективной? Или она в самом деле не знает?

Скоро он выяснит правду. В любом случае, тогда у него не было выбора, и он ни о чем не сожалел. Разве у мечтательной наивной девушки, какой была Элизабет, были шансы стать своей в жестоком мире бизнеса? Если даже Ана, которая воспитывалась в нем с детства, не выдержала. Тогда, поговорив с матерью, он осознал, какую чудовищную ошибку совершил, женившись на Элизабет. И принял все меры, чтобы ее исправить.

Они подъехали к ресторану. Их усадили на террасе, лицом друг к другу, так что оба могли смотреть на море. Волны лениво набегали на белый песок.

- Мне воды, - сказала Элизабет в ответ на вопрос о напитках.

- Воды? - удивился Ксандер.

- Да.

- Ну что ж. Значит, одну бутылку воды и одну - пива.

Теперь он откровенно ее изучал. Закатное солнце делало ее светлые волосы золотыми.

- Похоже, жизнь хорошо с тобой обошлась, - сказал он.

Хоть бы она сняла эти чертовы очки! Тогда он сможет посмотреть ей в глаза и понять, о чем она думает.

- Спасибо.

Элизабет хотелось колко ответить, что уж с ним-то жизнь обошлась и вовсе прекрасно, но она сдержалась. Она глубоко вздохнула, стремясь унять неизвестно откуда взявшуюся злость. В конце концов, личная жизнь ее клиентов - не ее дело.

Она думала, что готова к этой встрече, но ошиблась. Вспотевшие ладони и учабившееся сердцебиение ясно это показывали.

Официантка принесла напитки и приняла заказ на еду. Меню здесь было, как и везде на острове, миксом французской и креольской кухни. Элизабет старательно избегала и той и другой все десять лет.

- Почему ты захотел встретиться именно здесь?

Хорошо, что солнце все еще яркое, а значит, можно не снимать очков и не смотреть ему в глаза.

– А что? Тебя это задевает?

– Да. Не имею ничего против того, чтобы заняться поисками спутницы жизни для тебя, но считаю, что ты мог бы проявить немного больше уважения и выбрать какое-нибудь нейтральное место.

– Мне не нужна спутница жизни. Мне нужна жена.

– А разве это не то же самое?

– Термин «спутница жизни» предполагает длительный срок. Мне же нужна жена лишь на время.

Элизабет достала свой рабочий блокнот и записала: «временный брак».

И, несмотря на стремление сохранить рабочую атмосферу, не смогла удержаться от ремарки:

– Ладно бы ты просто использовал свою бывшую жену для поисков тебе новой. Но назначать интервью в том самом месте, где мы познакомились, – это просто верх бесстыдства. Ты нарочно хотел напомнить мне об этом?

Она взглянула на него. Он смотрел на нее с непроницаемым выражением:

– У меня были причины.

Элизабет была твердо намерена оставаться спокойной. Пусть играет в свои игры в одиночестве.

– Какие у тебя пожелания? И наоборот, стоп-факторы?

Например, высокие блондинки «не вашего круга», которых не одобрит твоя мать.

Будь ее воля, она назначила бы ему свидание с какой-нибудь заядлой курильщицей, у которой к тому же проблемы с зубами.

Она подождала ответа, но он молчал, глядя на нее все тем же странным взглядом. Что-то здесь было не так...

Он отхлебнул пива и поставил бутылку на стол.

– Нет необходимости искать жену, Элизабет. Она уже есть. – Он наклонился вперед. – Мне не слишком легко это говорить, но ты все еще моя жена. Наш брак не был аннулирован.

Ксандер наблюдал, как ее лицо моментально побледнело. После ошеломленной паузы она потрясла головой, словно отрицая происходящее, и наконец сняла очки. Ксандер наконец увидел ее глаза удивительного янтарного цвета, взгляд которых никогда не забывал. Последние сомнения отпали: она ничего не знала.

Ему немного полегчало, однако план действий оставался прежним.

– Элизабет?

Она произнесла не своим голосом:

– Этого не может быть.

– Судья отказал в аннулировании на самом последнем этапе.

Она закрепила очки на голове – видимо, чтобы их не потерять:

– Если ты шутишь, то это за гранью.

Он покачал головой, и Элизабет поерзала в кресле.

– Я не понимаю. – Она глубоко вздохнула.

Ксандер занимался этим уже две недели и тоже не понимал.

- А ты получала официальное подтверждение?

Она поставила локти на стол и усталым жестом потерла лоб:

- Я точно получала подтверждение, что прошение рассматривается. Я помню. Там было сказано, что процедура займет месяц, или что-то вроде того. - Она посмотрела на него. - Слушай, это было десять лет назад.

- Но результатов ты не получала?

Она еще немного поерзала.

- Я переехала.

- Откуда?

- От матери. Она должна была пересылать мне всю почту, но она не стала. Наверняка за это время многое потерялось.

Их отношения продлились совсем недолго и не дошли до стадии знакомства с родителями. Они были слишком погружены друг в друга и даже почти не говорили о своих родственниках. Он знал только, что ее родители были разведены и она была единственным ребенком.

Элизабет покачала головой, пытаясь собраться с мыслями. Потом оттолкнула кресло и встала:

- Мне надо пройтись.

Он сурово посмотрел на нее, не меняя положения:

- Ты сможешь прогуляться позже. Прямо сейчас мы должны поговорить.

На секунду Элизабет испугалась, что ее сейчас стошнит. Все это было полнейшим безумием, и она чувствовала себя словно кукла, не имеющая ни воли, ни права голоса. Ксандер навязал ей свою волю тогда и пытался сделать это сейчас.

Она снова села. Солнце почти исчезло, его оранжевый край виднелся из-за горизонта, и казалось кощунственным, что в этом райском месте она повторно вынуждена переживать самый болезненный момент своей жизни.

Принесли еду. Элизабет взглянула на красиво сервированные блюда, зная, что не сможет съесть ни кусочка.

– Почему прошение отклонили? – спросила Элизабет, пытаюсь хоть как-то взять себя в руки.

– «Не было установлено неизвестных фактов о какой-либо из сторон, а также не было отмечено нарушения закона».

– Но мы же были женаты всего пять дней!

Он вздохнул:

– Возможно, другой судья просто поставил бы печать не глядя. Но этот почему-то решил, что ему виднее. И мы никогда не узнаем почему – он уже умер. Но как ты-то могла об этом не знать?!

– Возможно, мать просто выбросила письмо.

– Но почему ты не стала выяснять? Довольно странно подать прошение и не интересоваться его результатами.

– А ты? – Она отвела взгляд от моря и в упор посмотрела на него. – Разве тебе не показалось странным, что тебе тоже ничего не пришло? В этом смысле мы в одинаковом положении.

– Ну, я-то живу на другом конце света.

- Конечно, гораздо проще переложить ответственность на кого-то другого. И давно ты знаешь?

- Две недели.

- И все это время ты мне не говорил?! - Элизабет была зла не на шутку.

- Я пытался придумать план действий. Кроме того, была надежда, что пресса до этого не докопается. Но это оказалось маловероятно.

- То есть на самом деле тебя волнует только пресса?

- Они пытаются раскопать все, что только возможно, чтобы добраться до меня. Моя семья не знает об этой истории и не должна узнать.

- Ты им так и не сказал? Надо же, как удивительно. - Элизабет даже не потрудилась скрыть сарказм. Ну конечно, он ведь связался с девушкой не того круга.

Она тоже не сказала об этом семье, но по другим причинам. Она не стыдилась Ксандера. Просто была слишком сломлена и унижена произошедшим, чтобы его еще и обсуждать. Мать осудила бы ее, а отец в пику той проявил бы фальшивое участие. Но Элизабет знала, что она - лишь оружие в их вечной войне друг с другом, а на ее жизнь им плевать.

- У нас и без того не самые лучшие времена, не хотелось бы впутывать их еще и в это, - продолжил Ксандер.

- Мне что, нужно проявить сочувствие? - Элизабет не могла поверить, что действительно это выслушивает от человека, который скрыл от нее свою помолвку, воспользовался ее наивностью и затем бросил, даже не потрудившись пощадить ее чувства.

- Я просто ввожу тебя в курс дела.

- И для этого надо было лететь сюда? Мы могли бы обсудить наш развод где угодно, в том числе в Нью-Йорке. Не волнуйся, мне есть что терять, и побольше,

чем тебе. Поэтому я, точно так же как и ты, хочу скрыть эту историю максимально надежно.

- Если бы я хотел развода, я давно бы уже тебе сказал.

- Но ты же специально рылся в судебных архивах, чтобы уничтожить следы этого дела, - настороженно сказала Элизабет. К чему он клонит?

- Изначально - да. Но когда я узнал, что официально мы все еще женаты, я передумал. Я хочу возобновить наш брак.

Глава 3

Элизабет была уверена, что он специально над ней издевается.

- Ни за какие коврижки.

- Это ненадолго. Самое большее - на несколько месяцев.

Проходящий мимо официант обратил внимание на то, что они не притронулись к еде:

- У вас все в порядке? Желаете чего-нибудь еще?

- Да. Такси в аэропорт, - сказала Элизабет.

- Но аэропорт уже не работает, - удивился официант.

Вот черт. Элизабет совсем забыла, что здесь запрещены ночные полеты.

- Два кофе, - вмешался Ксандер, и Элизабет воззрилась на него в ярости. Когда официант ушел, она набросилась на него:

- Так вот почему ты притащил меня сюда? Чтобы мне некуда было деваться?

- В том числе. Но и по другим причинам тоже.

- Ну так вот: мне от души плевать на тебя, твою семейку и твои причины. И за ночь ничего не изменится. Я не собираюсь этого делать, все, точка.

Его лицо оставалось все таким же непроницаемым. Он обсуждал все это как обычную сделку, как будто она была просто деловым партнером, в то время как Элизабет не находила себе места от боли, обиды и возмущения.

Когда-то он был для нее всем. Рядом с ним она испытывала счастье настолько острое, что оно походило на боль. Теперь она понимала, что то была вовсе не любовь, - но тогда ей казалось, что именно такой истинная любовь и должна быть. Но она так и не смогла позволить себе попробовать еще раз - мысль об отношениях вызывала у нее панический страх, и она попросту вытеснила это из своей жизни.

Когда все это закончилось, она думала, что умрет. Но это не убило ее, а сделало сильнее.

- Тебе не нужна жена, - сказала она спокойным тоном, несмотря на эмоции. - Скандал с «Тайнами знаменитостей!» не затронул твой бизнес.

- Дело не в бизнесе.

Официант принес кофе, косясь на по-прежнему нетронутые тарелки.

Ксандер положил в кофе ложку тростникового сахара и посмотрел на Элизабет:

- Жена моего брата злоупотребляет алкоголем. Ей диагностировали цирроз печени, и если она не прекратит пить, то через несколько лет умрет.

- Ты имеешь в виду Катерину? - вырвалось у Элизабет. Она была поражена тем, что он рассказывает ей такие личные вещи.

- Ты помнишь, как ее зовут? - удивился Ксандер.

Конечно, Элизабет помнила. Какой смысл вообще разговаривать с людьми, если пропускаешь мимо ушей то, что они говорят? Кроме того, тогда она считала, что скоро познакомится с членами его семьи, которых он упоминал.

– Я не знаю, что будет с Катериной, получится ли у нее излечиться от зависимости, – продолжал Ксандер. – Но все это послужило тревожным звонком для Яниса. Я годами умолял его заняться лечением зависимостей, но только происшествие с женой его напугало. Десять дней назад он лег в наркологическую клинику в США. – Ксандер взял со стола чашку и сделал глоток.

Эта клиника считалась одной из лучших в мире, и Ксандер искренне желал выздоровления брата. Он не хотел быть свидетелем его смерти. На похоронах Аны он чуть не сошел с ума от вины и горя, и даже не знал, что будет, если и Янис тоже умрет. Он был единственным в семье, к кому Ксандер все еще питал теплые чувства.

– Это хорошо, – произнесла Элизабет более теплым тоном.

– Да. Но он там пробудет не меньше двух месяцев, и Катерина тоже в ближайшее время не выйдет из больницы. Так что я должен заботиться о Лукасе.

– Это твой племянник?

– Да. Ему восемь. – И тут он подходил к самому главному. – Мои родители подали в суд с требованием опекуна. Они считают Яниса и Катерину никуда не годными родителями.

Она нахмурилась в раздумьях:

– Но ты же сам говоришь, что Янис и Катерина в плохом состоянии. Неужели так уж плохо, если Лукас будет жить у бабушки и дедушки?

– В том-то все и дело, – ровным голосом сказал Ксандер. – В нормальном состоянии Янис отличный отец и очень любит своего сына. Но наши мать и отец специально выбрали этот момент, чтобы отобрать Лукаса – когда Янис и

Катерина не в силах этому противостоять. Я должен им помочь.

– А где он сейчас?

– В моем доме. Он будет там еще две недели, а потом состоятся новые слушания. Мои родители будут бить по самым уязвимым точкам, чтобы признать и меня неподходящим опекуном.

– Но зачем?

– Из принципа. Этот скандал выставляет меня развратным и аморальным, и единственный способ, каким я могу убедить суд, – это доказать, что я способен взять ответственность за ребенка и у меня есть для этого ресурсы. В качестве женатого человека я буду вызывать гораздо больше доверия. И планы моих родителей пойдут прахом.

– Вот так просто?

Он отхлебнул кофе:

– Наша страна все еще довольно консервативна, и вряд ли у одинокого мужчины много шансов. Но если родители получают опеку, они никогда не отдадут Лукаса обратно. В моей семье уже много лет идет вой на, и они не упустят шанса одержать в ней внушительную победу.

Элизабет сняла очки и нахмурилась, глядя вдаль и явно оценивая то, что он только что ей рассказал.

– Все довольно просто, – продолжал он. – Мы с тобой публично объявим о браке и будем поддерживать его видимость, пока Янис не оправится. А там, возможно, и Катерина встанет на путь исправления.

– А что, если Янис сорвется? Мне опять придется исполнять роль твоей жены?

– Как только он выйдет из клиники, то я устрою, чтобы меня назначили законным опекуном Лукаса на случай отсутствия родителей. Если бы мы раньше знали, что отец и мать собираются забрать Лукаса себе, мы бы уже это сделали. Но мы не

ожидали, что они падут так низко. Они его почти не знают.

А стоило бы это предвидеть, мрачно подумал Ксандер. Его родители воспринимают жизнь так же, как бизнес: как игру, в которой может быть только один победитель.

– В общем, все, что нужно, – просто возобновить брак. Я понимаю, что многого прошу...

– Многого?! – Ярость Элизабет не знала границ. – Моему бизнесу конец! Это работает только в атмосфере секретности, а какая тут может быть секретность! Все, чем я занималась все эти годы, будет уничтожено. А как насчет всей остальной моей жизни? Я должна отказаться от нее ради тебя?!

– Не сказал бы, что придется от многого отказываться. Ты же посвящаешь все свое время работе. Парочка друзей, с которыми ты время от времени общаешься, и занятия йогой, когда позволяет время. И все.

Она смотрела на него, не веря своим ушам:

– Ты что, следил за мной?! Ну, это объясняет, как ты узнал о «Левиафане».

Он был невозмутим:

– О твоём бизнесе я узнал, когда разбирался в причинах отказа в аннулировании брака. А потом меня интересовало, может ли что-то послужить поводом обвинить тебя в неблагонадежности и отказать в опекунстве.

Его изыскания, впрочем, ни к чему не привели. Все скелеты в шкафу были надежно спрятаны. Даже если она и вступала в какие-то отношения, их следов нигде не было. Что ему и требовалось.

– Ты можешь придумывать какие угодно объяснения, но это называется вторжением в личную жизнь. И это непростительно.

– Если бы ты была на моем месте, ты бы поступила так же.

– Мне бы не пришлось утруждаться: детали твоей личной жизни уже несколько месяцев полощет пресса! А вот я не даю им такого повода.

– Большая часть этого – выдумки и преувеличение, – ледяным голосом ответил он.

– Ах, вот как, – саркастически сказала она.

Ксандер начал злиться. Он допил кофе и поставил чашку на стол, а затем аккуратно указал на пляж:

– Видишь того человека с фотоаппаратом?

Элизабет повернулась.

– Это папарацци. Мой секретарь намекнул ему, куда мы едем.

Элизабет была готова взорваться от гнева.

– Он знает, кто ты и чем занимаешься. И про брак тоже. А какая именно история будет сопровождать фотографии, решать тебе.

Он ее попросту подставил.

Элизабет понимала, что ее мир рушится. Теперь новости об их встрече будут во всех таблоидах, и никому ничего не объяснить.

– Не могу поверить, – сказала она, еле сохраняя самообладание. – Говоришь, твои родители низко пали? Ну так ты достойный продолжатель рода.

– Мне жаль, что пришлось так поступить, но все это ради моего племянника. Мне-то уже нечего терять, если ты откажешься. Возможно, тридцать миллионов долларов тебя утешат. Также я выплачу выходное пособие всем твоим сотрудникам.

Ну вот всему и конец. Как только миру станет известно, что она стала женой скандального казановы, никто уже не захочет обращаться к ее услугам. Элизабет вздохнула и поднялась на ноги, глядя на него с высоты своего роста:

– Тебе даже в голову не пришло устроить все как-то иначе, без обмана и унижения. Кажется, это твой стиль.

– Я не мог рисковать. Кроме того, некоторое время я полагал, что ты намеренно скрываешь ситуацию с нашим браком, чтобы дождаться удачного момента. Манипуляция – привычный инструмент в мире бизнеса.

– Поздравляю, ты владеешь им в совершенстве, – с горьким раздражением сказала она.

– Я хочу защитить племянника, – с нажимом сказал он.

– И ты мог бы просто попросить моей помощи. Так было бы лучше и тебе, и мне. А теперь я лишь еще сильнее тебя ненавижу.

– Думаю, тридцать миллионов подсластят тебе пилюлю.

– При чем тут вообще деньги? Ты за час разрушил то, что я строила десять лет. Фактически отнял у меня мою жизнь. А вдобавок еще и шпионил за мной.

– Ты хочешь больше?

Она заметила усмешку на его губах и разозлилась еще сильнее:

– Не пытайся выставить меня меркантильной стервой. Все это вообще происходит только потому, что ты дал прессе повод в тебя вцепиться. Дыма без огня не бывает, знаешь ли, и ты сам виноват в том, что тебя не считают способным на опеку. Очевидно, не без оснований.

– Я не спрашивал твоего мнения, – яростно сказал Ксандер. Кажется, ей все-таки удалось нащупать в нем что-то человеческое. – Так ты согласна?

– Нет. Но тебя это, похоже, мало волнует.

– Значит, договорились.

– Два условия. Во-первых, этот «брак» будет максимально коротким и, естественно, никаких «супружеских обязанностей».

Он стиснул челюсти:

– В нашей семье принято иметь сообщающиеся комнаты. Думаю, нас это устроит.

– И второе. Дверь моей комнаты должна запирается на замок.

– Хорошо. – Он посмотрел на нее с непроницаемым выражением, затем достал из кармана бумажник: – Нам пора заселяться в отель.

– Нам?

— Да, *cardia mou*[2 - Сердце мое (греч.)], – произнес он с издевательской ухмылкой. – Создаем предпосылки для последующих действий. Фотограф знает, где мы остановились, и, думаю, не преминет разжиться доказательствами, что ночь мы тоже проводим вместе.

– Я смотрю, ты уже все запланировал.

– Нельзя попасть на мою должность, не владея навыком стратегического планирования.

– Правда? Я почему-то была уверена, что ты попал на свою должность по праву рождения.

Было приятно видеть, что его явно задел этот комментарий.

– Но все-таки почему ты считаешь, что это так необходимо? Неужели твоих родителей так легко одурачить? Разве они поверят в возрождение каких-то мифических отношений, о которых даже не знали?

Ксандер сказал нарочито спокойным голосом:

– А нам не их надо убедить, а судью. И, если ты хочешь получить деньги, лучше бы, чтобы он тебе поверил.

– Да ты просто издеваешься.

Голос Элизабет звучал бесстрастно, однако ее глаза излучали ярость: машина остановилась перед отелем «Ла Мэзон Бланш»

– Тебя что-то не устраивает?

– Но почему здесь?

– Потому что это удобно. Здесь мы поженились, здесь и объявим о реставрации брака.

– А на мои чувства плевать, да? – Элизабет с отвращением покачала головой. – Я-то думала, что хуже быть уже не может.

– Можешь сколько угодно меня ненавидеть, но не следует проявлять это на публике, – он кивнул в сторону фотографа, который был уже здесь, по-прежнему с фотоаппаратом наготове.

Элизабет тоже посмотрела в ту сторону:

– Да ни одна живая душа не поверит в то, что мы вместе, и уж тем более судья. Я тебя ненавижу. А ты даже своей семье не говорил о наших отношениях.

– Я не говорил об этом, потому что тема была слишком болезненной. Мы были влюблены друг в друга, но расстались, потому что были молоды и считали, что из этого ничего не выйдет. Когда разразился скандал, ты позвонила, чтобы поддержать меня, и это оказалось как нельзя более кстати.

Он протянул руку и коснулся ее лица. Кожа была мягкой и нежной. Прежде чем она успела отстраниться, он запустил руку в ее волосы на затылке. Интересно, куда все-таки делись кудряшки? Десять лет назад беспорядочная копна ее

кудрявых волос безумно ему нравилась.

– И вот, во время разговора мы выяснили, что наше прошение об аннулировании брака не было одобрено. – Он наклонился и посмотрел на ее изящные губы.

Элизабет замерла и, казалось, перестала дышать. Ее лицо было похоже на застывшую маску.

Ксандер все еще смотрел на ее губы, борясь с желанием к ним прикоснуться.

– Кроме того, в процессе разговоров с тобой по телефону я осознал, что мои чувства к тебе остались прежними, и пригласил тебя сюда. Встретившись, мы поняли, что все еще любим друг друга, и решили восстановить наш брак.

Он разжал пальцы и нежно скользнул вниз по ее шее, которую когда-то покрывал поцелуями. И почувствовал, как она еле заметно вздрогнула.

Ее глаза были расширены, и она пристально смотрела на него. На Ксандера вдруг нахлынули воспоминания об их первой ночи вместе. Ее нежность, тихие стоны удовольствия, совершенство ее тела...

Резкий треск фотоаппарата вернул его с небес на землю, и он убрал руку с ее шеи.

Элизабет, конечно, привлекательна и вдобавок напоминает ему о прошлых временах, однако между ними все и так достаточно непросто, и лучше не вмешивать в это постель.

Не было никакого удовольствия в том, чтобы ее шантажировать и угрожать ей, однако он не мог позволить этому делу провалиться. Ради того чтобы вырвать Лукаса из когтей собственных родителей, Ксандер был готов на все – даже разрушить жизнь женщины, которую когда-то любил.

– История, достойная Макиавелли, – произнесла Элизабет после некоторой паузы, во время которой восстанавливала дыхание. Ксандер промолчал: а что он, собственно, мог сказать. – Но как сюда вписывается Ана?

Он похолодел:

– Так ты знаешь?

Все эти годы, когда на ум ему случайно приходила Элизабет, он задавался вопросом, узнала ли она о его погибшей невесте. Он не говорил о ней публично, однако время от времени о нем появлялись статьи с ее упоминанием.

Когда Ксандер разорвал помолвку, он не стал разбираться с последствиями. Его тошнило от всего, включая членов обеих семей. И он уехал на остров Святого Франциска, где и встретил Элизабет.

Она была словно луч света, осветивший его жизнь. Любящая и искренняя – а Ксандер до этого видел только равнодушие и манипуляцию. И его охватила жажда обладания, которую он тогда принял за любовь. Он не знал о том, что его родители и семья бывшей невесты отложили объявление о расторжении помолвки, надеясь, что он одумается и все-таки на ней женится.

Но сама Ана знала, что он никогда не передумает.

Когда его мать позвонила сообщить о ее смерти, Ксандер обрушился с небес на землю и ясно осознал одну вещь: в его доме Элизабет не продержится и недели. Яркий солнечный свет погаснет, уничтоженный тьмой, которая окружает его родителей и то общество, в котором они возвращаются.

– Я знаю, что ты был с ней обручен, – тихо сказала Элизабет. – Что вы были влюблены друг в друга с детства. И что ты мне об этом не говорил. – Ее голос прервался. – Ты солгал, что раньше никогда не любил. – Она тряхнула головой, и ее голос снова обрел силу: – Как ты собираешься объяснять женитьбу на мне, будучи обрученным с другой? Разве это подтверждает твою благонадежность?

Он даже не моргнул:

– Я разорвал помолвку с Анной до того, как встретил тебя. И она умерла, пока я был на острове Святого Франциска. Но я не нарушал своего слова и уж тем более не мог предвидеть, что с ней случится.

Ксандер знал, что его слова звучат бездушно. Но когда он думал об Ане, то всегда ощущал холодную пустоту внутри. Он не знал, о чем она думала в ночь своей гибели. Но чувство вины за ее смерть будет преследовать его вечно.

Некоторое время Элизабет не двигалась, а просто молча смотрела на него. Он вспомнил, как она страдала, когда он ее оставил, и его вдруг охватила жалость к ней и ненависть к себе. Почему он все время заставляет страдать тех, кого любит?..

Наконец Элизабет произнесла:

– Это правда или просто очередное удачное объяснение для прессы?

– Правда. Наши отношения с ней были кончены, когда я встретил тебя.

Она глубоко вздохнула, затем отрывисто кивнула и вышла из машины.

Оставшись один, Ксандер прикрыл глаза. Элизабет действительно изменилась. Раньше, глядя на нее, можно было сразу сказать, что она думает или чувствует. Но теперь она воздвигла вокруг себя непроницаемую защиту. Но дело было не только в этом: у нее появилась твердая опора внутри. Если та Элизабет была бы абсолютно раздавлена общением с его матерью, эта с легкостью даст сдачи кому угодно. А значит, она без особенных потерь переживет их мнимое примирение. Если, конечно, не считать дела ее жизни, которое будет уже не вернуть.

Размышляя так, он вышел из машины и бросил ключи парковщику. Камера снова застрекотала, но он, не обращая на нее внимания, вошел в лобби отеля. Настала пора разыгрывать спектакль для более широкой аудитории.

Элизабет стояла у стойки регистрации. Ксандер подошел к ней, приобнял за талию и назвал дежурной свою фамилию. Девушка удивленно расширила глаза. Даже на небольшом курортном острове слышали о его «похождениях».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вест-Виллидж – район, расположенный на Манхэттене, Нью-Йорк.

2

Сердце мое (греч.).

Купить: <https://tellnovel.com/mishel-smart/vtoraya-brachnaya-noch>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)